

«Плодотворные труды» и судьба великого князя Николая Михайловича

Владлен Измозик

The «fruitful works» and the fate of Grand Duke Nikolai Mikhailovich

Vladlen Izmozik

*(Bonch-Bruevich Saint Petersburg State
University of Telecommunications, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870004737-1

В пятницу, 31 января 1919 г., на первой странице «Северной коммуны» было напечатано объявление «От Чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией и спекуляцией Союза коммун Северной области», подписанное 29 января председателем А. Скороходовым и исполняющим дела секретаря Г. Луловым. В нём сообщалось, что «1919 года января 24 дня Чрезвычайная комиссия... постановила расстрелять» девять человек за грабежи и убийства, а «по делу бывших великих князей Романовых: Павла Александровича, Николая Михайловича, Дмитрия Константиновича и Георгия Михайловича»¹. О том, когда и где это произошло, не говорилось ни слова². В разгар Гражданской войны, «красного», «зелёного» и «белого» террора подобное сообщение о расстреле четырёх человек, не совершивших никаких преступлений, ничего уже не добавляло в общую картину озверения и взаимной жестокости. Но те, кто знал этих людей, были ошеломлены. Ведь шли упорные разговоры о готовящемся их освобождении. За них хлопотали М. Горький, президент Российской Академии наук А.П. Карпинский, народный комиссар по просвещению А.В. Луначарский... Наиболее известным из расстрелянных 24 января был, пожалуй, вел. кн. Николай Михайлович, которого некоторые называли «самым образованным и самым одарённым» членом Императорской фамилии.

У вел. кн. Михаила Николаевича, четвёртого сына Николая I, было шесть сыновей: Николай, Михаил, Георгий, Александр, Сергей, Алексей и дочь Анастасия. Алексей умер от туберкулёза в 20 лет в 1895 г. Анастасия вышла замуж за герцога Фридриха Мекленбург-Шверинского и жила за границей. Михаил, вступив без разрешения царя в мorganaticкий брак, провёл большую часть своей жизни в Лондоне. Сергей, генерал-инспектор артиллерии, был убит в ночь на 18 июля 1918 г. в Алапаевске вместе с другими родственниками. Георгия, управлявшего Русским музеем, автора трудов по нумизматике, расстре-

© 2019 г. В.С. Измозик

¹ Северная коммуна. 1919. 31 января. № 23(216). С. 1.

² Где это произошло, остаётся тайной и сто лет спустя. Как у множества жертв Гражданской войны, могила их неизвестна. Есть предположение, что расстрел свершился в Петропавловской крепости. Мною была получена справка из Управления Министерства безопасности Российской Федерации по С.-Петербургу и области от 10 июня 1992 г. № 10/46-5 о том, что великие князья Романовы: Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Георгий Михайлович расстреляны в Петрограде 24 января 1919 г. (Архив автора).

ляли вместе с братом Николаем. Александр женился на дочери Александра III. Ксении, в 1915 г. стал адмиралом, умер он во Франции в 1933 г., оставив интересные воспоминания.

Первенец Николай, названный в честь деда, родился 14 апреля 1859 г. Его отец в 1863—1881 гг. служил наместником на Кавказе, командовал Кавказской армией. По словам вел. кн. Александра Михайловича, «выросши и получив воспитание вдали от столицы, мы, Михайловичи, были очень мало похожи на своих дядей и двоюродных братьев»³. К началу XX в. Императорская фамилия, насчитывавшая несколько десятков человек, представляла большую патриархальную семью. Получавшие домашнее воспитание и военное образование, великие князья с детства готовились занять высокие посты, хотя далеко не все из них оправдывали своё предназначение. Так, вел. кн. Николай Михайлович с детства ожидало военное или административное поприще. В 16 лет он был зачислен в Кавалергардский полк, получил боевое крещение в ходе Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., удостоившись за участие в бою ордена Св. Георгия 4-й степени. В дальнейшем великий князь учился в Николаевской академии Генерального штаба, в 1890-е гг. командовал 16-м гренадерским Мингрельским полком, а затем — Кавказской гренадерской дивизией. С августа 1901 г. он уже генерал-лейтенант (с 1913 г. — генерал от инфантерии), с 1903 г. — генерал-адъютант. Одновременно в его жизни появилось и то, что частенько именуют словом «хобби». Но это было не занятие дилетанта, ищущего развлечения, а труд начинающего учёного.

Первое увлечение — энтомология. В отцовском имении близ Боржоми он организовал сбор «чешуекрылых» (бабочек) и лично в нём участвовал, выделял деньги для экспедиции Г.Е. Грумм-Гржимайло, покупал различные коллекции. В результате возникло одно из лучших в мире собраний чешуекрылых. С 1880-х гг. великому князю помогали ухаживать за ним консерватор А.-О.Ф. Герц и хранитель коллекции С.Н. Алфераки. Но имея таких помощников, вел. кн. Николай Михайлович и сам втянулся в научную работу, опубликовав в 20 лет на французском языке своё первое крупное исследование «Некоторые наблюдения над чешуекрылыми в районе Армянского плоскогорья, включающего Александрополь, Карс и Эрзерум»⁴. В 1884 г. под его редакцией вышел первый том «Мемуаров по чешуекрылым», изданный им на собственные средства. В нём была напечатана и работа великого князя «Чешуекрылые Закавказья» — о дневных бабочках края⁵. Всего к концу 1897 г. вышло девять томов этого уникального издания, которым до сего дня пользуются исследователи⁶.

В начале 1899 г. вел. кн. Николай Михайлович начинает хлопотать о передаче своей коллекции Императорской Академии наук с тем, чтобы «она была доступна для работы учёных и специалистов, интересующихся этой отраслью»⁷. Как сообщалось в отчёте по Зоологическому музею за 1899—1900 гг., «1900 год можно считать одним из самых счастливых годов для Зоологического музея в

³ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. М., 2004. С. 141—142.

⁴ *Romanoff N.M.* Quelques observations sur les Lépidoptères de la partie du Haut-Plateau Arménien, comprise entre Alexandropol, Kars et Erzeroum // *Horae Societatis Entomologicae Rossicae*. Т. XIV. 1878. Saint Pétersbourg, 1879. P. 483—495.

⁵ *Romanoff N.M.* Les Lépidoptères de la Transcaucasie. Première partie // *Mémoires sur les Lépidoptères*. Т. 1. Saint Pétersbourg, 1884. P. 1—92.

⁶ *Некрутенко Ю.П.* Дневные бабочки Кавказа. Определитель. Киев, 1990. С. 28.

⁷ РГИА, ф. 549, оп. 1, д. 5, л. 1.

смысле приращения коллекций... так как в этом году музей получил особенный дар... коллекцию его императорского высочества в[еликого] к[нязя] Николая Михайловича, одно из богатейших, если не самое богатое собрание палеарктических бабочек»⁸. Коллекция содержала 13 904 вида и 1 603 видоизменения, а всего 110 220 бабочек, помещавшихся в 29 шкафах. В них находились собрания 15 коллекционеров. Они и теперь — спустя более ста лет с разрушительными войнами, революциями, гибелью миллионов людей и множества памятников материальной культуры — хранятся на своём месте, в тех же шкафах, оберегаемые сотрудниками музея. Вероятно, эти занятия вел. кн. Николая Михайловича учитывались при его назначении председателем Русского географического общества после смерти в феврале 1892 г. вел. кн. Константина Николаевича.

Ещё одним великокняжеским увлечением являлось коллекционирование живописи, прежде всего портретной. Со временем эти произведения составили основу великолепного научного издания, в котором помещены репродукции 556 портретов, выполненных 148 художниками⁹. Почти треть этих изображений (173) находилась в личной коллекции великого князя. Всего на них изображено 1 418 лиц, о которых даны краткие биографические справки (их писали Б.Л. Модзалевский, Н.П. Чулков, Е.С. Шумигорский)¹⁰.

Вел. кн. Николай Михайлович жил, окружённый книгами, картинами, коллекциями бабочек и чучел птиц. Семье он не обзавёлся. В молодости он был влюблён в свою кузину Викторию Баденскую, будущую жену короля Швеции Густава V. Но брак с двоюродной сестрой не разрешали император и Церковь, а нарушать запрет великий князь не стал. Главной же его страстью с годами становится российская история начала XIX в.

Своё первое историческое исследование, посвящённое князьям Долгоруким, вел. кн. Николай Михайлович выпустил в 1901 г.¹¹ Не только широкая аудитория, но и специалисты встретили книгу очень доброжелательно. Один из рецензентов отмечал «чистоту и изящество русского языка», которым она написана, мастерство батальных сцен, использование огромного материала, извлечённого из частных и государственных архивов¹². Уже здесь проявилась scrupulousность великого князя, его стремление к абсолютной достоверности приводимых сведений. Например, в очерке о князе Петре Петровиче Долгоруком отмечалось: «Князь П.В. Долгоруков и Н.К. Шильдер пишут, что князь...

⁸ Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. 1901. Т. VI. СПб., 1901. № 2—3. С. 4, 20—21. Палеарктическая область суши включает Европу, внутропическую Азию и Северную Африку.

⁹ Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. I—V. СПб., 1905—1909. Отдельным выпуском вышли указатели ко всем пяти томам: Русские портреты XVIII и XIX столетий. Указатели. СПб., 1909.

¹⁰ Познакомившись с первыми томами, гр. Л.Н. Толстой писал в январе 1906 г.: «Дорогой Николай Михайлович. Только что кончил рассматривание и чтение текстов Вашего издания портретов, и не могу достаточно благодарить Вас за присылку мне этого превосходного издания. В особенности меня пленили тексты: они так прекрасно, умно, талантливо составлены. Вообще всё это издание есть драгоценный материал истории, не только истории частной жизни, но настоящей истории того времени. Я испытал это потому, что занят теперь временем с 1780-х до 1820-х годов. По этой же причине я теперь только прочёл “Долгоруких” и “Строганова” и тоже радовался и благодарил Вас... Желаю Вам продолжать с таким же успехом Ваши прекрасные и полезные исследования и издания и ещё раз благодарю за то, чем я до сих пор из них воспользовался» (*Толстой Л.Н. Собрание сочинений* в 22 томах. Т. 19—20. М., 1984. С. 595).

¹¹ *Николай Михайлович, вел. кн. Князя Долгорукие, сподвижники императора Александра I* в первые годы его царствования. Биографические очерки. СПб., 1901.

¹² Исторический вестник. 1901. Т. 86. С. 1209.

скончался 12 декабря [1806 г.], но надгробная надпись ясно указывает на 8-е декабря». Упомянув, что, по воспоминаниям, Александр I лично провожал этого талантливого военачальника в последний путь, автор делал особую оговорку: «В камер-фурьерском журнале за декабрь 1806 г. я не нашёл указаний о присутствии государя на похоронах»¹³.

С конца 1901 г. историк трудился над биографией гр. П.А. Строганова, поразительной фигуры александровского царствования. Член якобинского клуба в Париже, вступивший там же в международное объединение «Род человеческий», возглавлявшееся одним из крайних радикалов того времени А. Клоотцем, отозванный из Парижа Екатериной II и отправленный в деревню, он стал другом молодости Александра I, горячим сторонником и идеологом реформ начала XIX в., участником сражений с Наполеоном. Великого князя он заинтересовал тем, что «своими верными и здравыми суждениями предоставлял потомству полезные поучения, сохранившие свою ценность и поныне» и опередившие «на целое столетие современников»¹⁴. В Париже вел. кн. Николай Михайлович приобрёл бумаги Ж. Ромма (воспитателя молодого Павла Строганова, а впоследствии одного из «последних монтаньяров»), в Петербурге — разыскивал материалы в личном архиве Строгановых и в библиотеке Зимнего дворца. Более половины подготовленной им монографии занимают приложения — протоколы заседаний «Негласного комитета», доклады гр. П.А. Строганова, его переписка с отцом, с женой, с Роммом и Александром I, дипломатические донесения, письма военных и государственных деятелей (кн. П.И. Багратиона, графов С.Р. и М.С. Воронцовых и т.д.).

В начале XX в. вел. кн. Николай Михайлович принял решение оставить военную службу. Ранее его удерживало от этого шага опасение огорчить отца. Но летом 1903 г. у 70-летнего вел. кн. Михаила Николаевича, с 1881 г. занимавшего пост председателя Государственного совета, случился инсульт, и старший сын счёл своим долгом сопровождать его на лечение во Францию и Швейцарию. Вместе с тем вел. кн. Николай Михайлович не желал проводить политику, с которой не был согласен. Особенно его возмущало привлечение подчинённых ему частей к «подавлению беспорядков». «В мирное время такое положение слишком тягостно, — писал он гр. Л.Н. Толстому 3 ноября 1903 г. из Тифлиса, — и так как кроме этого произвол дошёл до чудовищных размеров, я слишком люблю здешний край, чтобы оставаться безучастным зрителем этой оргии»¹⁵.

Великий князь поселился в нелюбимом Петербурге на Миллионной улице (д. 19), стараясь в первые годы по-прежнему проводить лето и осень в уединении в любимом Боржоми. Теперь он занимался главным делом своей жизни — изучением эпохи Александра I, регулярно знакомя читающую публику с результатами своих исследований¹⁶.

¹³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Князья Долгорукие... С. 34.

¹⁴ *Николай Михайлович, вел. кн.* Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т. 2. СПб., 1903. С. III—XX.

¹⁵ Переписка Толстого с Н.М. Романовым / Публ. С.Н. Шамбинаго // Литературное наследство. Т. 37—38. М., 1939. С. 316.

¹⁶ *Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Фёдора Кузьмича. СПб., 1907; *Николай Михайлович, вел. кн.* Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1—3. СПб., 1908—1909; *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Т. 1—2. СПб., 1912; *Николай Михайлович, вел. кн.* Генерал-адъютанты императора Александра I. СПб., 1913.

В них видно, в частности, замечательное умение вел. кн. Николая Михайловича в нескольких фразах дать объёмный и выразительный портрет исторического лица. Так, характеризуя кн. П.М. Волконского, он писал: «Князь был действительно в полной мере доверенным лицом монарха до самой его кончины в Таганроге. Приветливость, ровность, преданность, откровенность, но в меру, подчас проявления неудовольствия, но всегда своевременные — все эти качества сделали из князя Петра Михайловича образцового царедворца и незаменимого министра двора, служебные обязанности коего светлейшей нёс до самой кончины, до 1852 года, получив нежданно на закате дней и фельдмаршальский жезл. В заслугу ему можно поставить те чувства, которые он питал к Аракчееву, ненависть и презирав его глубоко и ничуть не скрывая этого»¹⁷.

Сам Александр I, по словам великого князя, в первые годы царствования «многим был недоволен, многое желал изменить, даже исправить, как равным образом несомненно, что ни одна из произведённых в это время реформ не исходила от него лично, что все они были не без труда внушаемы ему, причём его согласие добывалось нередко с большими усилиями. Император Александр I никогда не был реформатором, а в первые годы своего царствования он был консерватор более всех окружавших его советников... Горячка и непоследовательность Александра и его сотрудников по делам внутреннего благоустройства России сказались во всех мероприятиях... Всё делалось быстро, необдуманно, скачками... Молодой государь... отлично разбирался между разнообразными личностями и умел вовремя выдвигать того или другого деятеля... Говорить же и толковать о либерализме Александр тогда очень любил, но когда дело доходило до конфликта, немедленно проявлялось желание настоять на своём, другими словами, подчеркнуть самодержавную власть»¹⁸.

Исходя из того, что «каждая историческая эпоха выдвигает исторических деятелей, личность которых, их жизненные обстоятельства и миросозерцание налагают отпечаток на события эпохи», великий князь стремился прежде всего понять и показать разнообразные черты характера Александра I, раскрыть происходившие в нём изменения. По его мнению, император имел «недюжинные способности», включая особую «наблюдательность ума», «ум тонкий, чуткий и вполне природный», способность «быстро схватывать суть дела и принимать соответствующие решения». Его отличали «замечательная работоспособность» и наличие «утончённой хитрости и бесподобной вкрадчивости». Он «умел, когда обстоятельства того требовали, настоять на своём, несмотря ни на какие посторонние влияния». Но вместе с тем «обладал врождённым даром любезности» и демонстрировал «особый талант соединять на общую пользу... совсем противоположные элементы, которые ему безропотно подчинялись и добросовестно исполняли всё им задуманное». Не случайно «супруга Александра, несмотря на все его измены, сохранила к нему чувство особой привязанности и любви», «сестра Екатерина, прямо-таки, молилась на брата», а «что же касается лиц ближайшей свиты... то все они души не чаяли в своём повелителе». К заслугам царя великий князь относил постоянную поддержку в первые годы правления «дела народного просвещения», но «звёздным часом» Александра I он считал Отечественную войну: «В эту годину он сознал народную мощь, всегда существовавшую на Руси, и сплотился с ней». Не любя кн. М.И. Кутузова,

¹⁷ Николай Михайлович, вел. кн. Генерал-адъютанты... С. 4.

¹⁸ Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I... Т. 1. С. 24—26, 35.

«император сумел, однако, побороть нехорошие чувства, и в этом заключается его главная заслуга»¹⁹.

Не менее очевидны были для вел. кн. Николая Михайловича и недостатки его двоюродного деда. В нём «проявлялось и злопамятство», «чувствовалась частенько и двуличность... составляя коренную черту его нрава», «болезненная недоверчивость вообще ко всем окружающим», «иногда примешивалась известная доля упрямства», склонность «блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителем этой идеи, но всю тяжесть работы переносить на других», «страсть к военной муштровке... была отличительной чертой». В результате «тот же Александр мог с лёгким сердцем подписать лютые приговоры к наказанию солдат розгами» и одновременно «каждый день, начиная с 1812 года, государь читал по одной главе или из св. Евангелия или из Библии... и мог поощрять такого рода взыскания и смотреть сквозь пальцы на все изуверства Аракчеева в военных поселениях». Великий князь констатировал, что через сто лет облик Александра Павловича уже не кажется столь обаятельным²⁰.

Безусловно, в этих оценках чувствуется приверженность автора к идеям либерализма, цивилизованности, ограничения произвола власть имущих, постепенного, но неуклонного развития и укрепления правопорядка в стране. С нескрываемым удовольствием он цитировал гр. П.А. Строганова, высоко оценивал проекты М.М. Сперанского, сожалел, что «гора родила мышь» и «вся работа Сперанского была не только положена под сукно, но и забыта». В то же время вел. кн. Николай Михайлович резко осуждал мистиков вроде «известных своей подлостью» М.Л. Магницкого и Д.П. Рунича, баронессы В.Ю. фон Крюденер или подобных «безжалостному ханже» архимандриту Фотию (Спасскому). Именно влиянием «мистицизма и религиозного экстаза», а также желанием «исцелить Россию от революционного настроения во многих слоях общества и армии» он объяснял резкое усиление роли гр. А.А. Аракчеева после 1812 г.²¹

«Последние четыре года царствования... стали в действительности годами управления Россией одного Алексея Андреевича Аракчеева..., — утверждал историк. — Здесь вполне отчётливо выразилась вся подлая фигура грузинского помещика, и он сам себе подписал приговор быть заклеянным не только современниками, но и всеми последующими поколениями»²². И всё же, несмотря на крайнюю антипатию, вел. кн. Николай Михайлович признавал, что Аракчеев был прекрасным артиллерийским офицером, первоначально высказался против создания военных поселений, предлагал сократить срок солдатской службы с 25 до 8 лет и, главное, являлся, прежде всего, исполнителем повелений Александра I. Будучи убеждённым сторонником «единой и неделимой» империи (хотя и не сочувствуя насильственной русификации, проводившейся в 1880-е гг.), вел. кн. Николай Михайлович порицал Александра I за то, что тот «не пожелал приобрести предложенных ему Наполеоном польских земель до Немана и Вислы», и хвалил его «государственную мудрость», выразившуюся

¹⁹ Там же. С. 23, 339, 345—347.

²⁰ Там же. С. 30, 267, 339, 345—347.

²¹ Там же. С. 69, 189, 194, 204, 261. «Ведь и в наше время, — сетовал великий князь, — встречаются личности, проникнутые чувством особой набожности, нередко скрывая под этой завесой совсем другие побуждения».

²² Там же. С. 269.

в присоединении Финляндии в 1809 г. и завершении «дела, достойного его предка, Петра Великого»²³.

Всматриваясь в события и лица первой четверти XIX в., исследователь констатировал, что, несмотря на «мимолётное стремление» к реформам, народ оставался «в невероятной тьме», «Россия продолжала пребывать в глубоком сне, в котором военные поселения не могли дать живой струи». В итоге «после блеска вступления на престол и мировой славы побед русского оружия Александр Павлович оставил брату тяжёлое наследство: страну, изнеможенную от прошлых войн, а ещё более от аракчеевщины, и весь организм — больным и утомлённым, а внутри — полнейшую дезорганизацию власти и всякого порядка, при полном отсутствии какой-либо определённой системы управления». А вспыхнувшие зимой 1825/26 гг. мятежи «надолго отвели Россию на путь самой убеждённой реакции Николаевского режима»²⁴.

Выводы вел. кн. Николая Михайловича основывались на глубоком изучении огромного массива документов. При этом он всегда старался предоставить читателю возможность самому познакомиться с наиболее важными из них. Поэтому большую часть каждой его книги занимали тексты источников (как правило, публиковавшиеся на языке оригинала, по-французски). Так, трёхтомная биография Александра I включала его переписку с Ф.С. Лагарпом, князьями А.Е. Чарторыйским и А.Н. Голицыным, папой Пием VII, письма гр. А.А. Аракчеева и Н.М. Карамзина, дело об «истории в Семёновском полку 1820 г.» и т.д. В труд, посвящённый императрице Елизавете Алексеевне, вошли её письма за многие годы. Кроме того, им было издано несколько сборников документов²⁵. Любую неточность, небрежность, тем более — попытку скрыть или вовсе уничтожить какие-либо материалы великий князь решительно осуждал. Говоря о пропаже писем Александра I к его многолетней любовнице М.А. Нарышкиной, хранившихся у её невестки, он искренне негодовал: «Мы считаем, если, действительно, вся эта переписка уничтожена, почти у нас на глазах, сто лет спустя, — такого рода отношение к рукописям вандализмом и неуважением к исторической старине»²⁶. Сожалея о судьбе писем Александра I к баронессе Крюденер, историк порицал даже собственного деда: «Эти письма... были, вероятно, уничтожены либо самим Александром Павловичем, либо преданы сожжению... императором Николаем, систематическим истребителем многих бесценных рукописей и бумаг»²⁷.

Строго относился великий князь и к критике источников. К примеру, о мемуарах историка генерал-лейтенанта А.И. Михайловского-Данилевского он писал: «Эти записки заслуживают... мало внимания, так как Михайловский часто уклоняется от истины и освещает все события через узкую призму придворного выскочки... Описания и заключения... до того предвзяты и односто-

²³ Там же. С. 60, 73.

²⁴ Там же. С. 343—344.

²⁵ *Николай Михайлович, вел. кн.* Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. 1—7. СПб., 1905—1914; *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910; *Николай Михайлович, вел. кн.* Донесения австрийского посланника при русском Дворе Лебцельтерна за 1816—1826 годы. СПб., 1913; *Николай Михайлович, вел. кн.* Письма Высочайших особ к графине А.С. Протасовой. СПб., 1913.

²⁶ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I... Т. 1. С. 63.

²⁷ Там же. С. 194.

ронни, что его свидетельствами прямо-таки неудобно пользоваться, а тем более основывать выводы на такого рода воспоминаниях»²⁸.

Порою сурово отзывался он и о трудах своих современников. Так, несмотря на близкие личные отношения с автором, вел. кн. Николай Михайлович полагал, что написанную Н.К. Шильдером многотомную биографию Александра I «нельзя назвать серьёзной работой», поскольку «в ней... много весьма досадных пробелов, недомолвок и неточностей»²⁹.

Неприятие великим князем всякого рода домыслов, основанных на предположениях и слухах, отчётливо выразилось в спорах о личности старца Фёдора Кузьмича. Миф о том, что Александр I не умер в Таганроге в ноябре 1825 г., а ушёл бродить по России и многие годы прожил в Сибири под именем старца Фёдора Кузьмича, получил весьма широкое распространение³⁰. Интерес к нему вспыхивает время от времени и в наши дни. Вел. кн. Николай Михайлович также «много лет увлекался этой легендой». По его поручению чиновник Н.А. Лашков дважды ездил в Сибирь для сбора материалов, посетил несколько монастырей, беседовал с жителями, помнившими старца, привёз рукопись купца С.Ф. Хромова, на заимке которого тот провёл последние годы, и образцы почерка Фёдора Кузьмича, позволившие провести специальную графологическую экспертизу³¹. Всё это убеждало в необоснованности народной молвы. Не видя ни малейшего аргумента в её пользу, вел. кн. Николай Михайлович высказывался более чем категорично: «Мы вообще не признаём в исторической науке догадок и предположений, которые уместны разве в романах, а предпочитаем опираться на факты, засвидетельствованные документами». По его мнению, «в серьёзной исторической работе такие гипотезы лишь смущают читающих и могут порождать легенды, ничего не имеющие общего с историей»³².

Между тем появились книги кн. В.В. Барятинского и К.Н. Михайлова, вновь настаивавших на возможности тождества Александра I и сибирского странника³³. В 1914 г. великий князь четыре раза выступал с опровержениями, не только анализируя уже известные факты, но и публикуя новые документы: письма кн. П.М. Волконского, императрицы Елизаветы Алексеевны к свекрови и вел. кн. Елене Павловне, лейб-медика К.К. Штофрегена — к баронету Я.В. Виллие, камер-фурьера Д.Г. Бабкина к сыну. «Документы, — полагал историк, — говорят сами за себя, а легенда остаётся легендой. Пусть читатель беспристрастно судит сам». Со своей стороны, он не сомневался в том, что к истине «при всех исторических недоумениях или загадках надо стараться приблизиться путём строго логического исследования, не задаваясь сложными комбинациями, а смотря на суть дела возможно просто»³⁴.

Кстати, споря с оппонентами, вел. кн. Николай Михайлович, как правило, умел признавать допущенные промахи. Во время Первой мировой войны в

²⁸ Там же. С. 210—211.

²⁹ Там же. С. VI.

³⁰ Его использовал для своего рассказа даже Лев Толстой: *Толстой Л.Н.* Посмертные записки старца Фёдора Кузьмича, умершего 20 января 1864 года в Сибири, близ Томска, на заимке купца Хромова // Русское богатство. 1912. № 2. С. 9—27.

³¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Легенда о кончине императора Александра I... С. 8; РГИА, ф. 549, оп. 1, д. 277, л. 2в; д. 279, л. 1—2, 6, 9.

³² *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I... Т. I. С. 318, 327.

³³ *Барятинский В.В.* Царственный мистик: (Император Александр I-й и старец Феодор Козьмич). СПб., 1913; *Михайлов К.Н.* Император Александр I и старец Фёдор Кузьмич. СПб., 1914.

³⁴ Исторический вестник. 1914. Т. 135. № 3. С. 866—885; Т. 136. № 4. С. 280—282; № 5. С. 667—676; Т. 137. № 8. С. 871—902.

полемике о происхождении кн. А. Чарторийского и характере его отношений с императрицей Елизаветой Алексеевной он назвал профессора Львовского университета Ш. Аскенази «ярким русофобом», что вызвало у подданного австрийского императора резкий протест. Тогда великий князь извинился за выражения, «которые не подходят для исторической статьи», и заявил об уважении к научным исследованиям данного учёного³⁵.

В апреле 1917 г. вел. кн. Николай Михайлович обобщил свои размышления об истории Российской империи в статье «О подвигах русского солдата в XIX столетии и о его любви к родине»³⁶. Восхваляя мужество воинов и вспоминая, в частности, об осаде Севастополя, он признавал, что с середины XVIII в. войны России «чаще всего носили характер не национальной потребности, а личного взгляда правителей или правящего класса, а вовсе не народных вождений». Так, цель походов гр. А.В. Суворова в 1799 г. «не оправдывала ни средств, ни жертв, но пришлось покориться фантазии умственно больного императора». Александра I «судьба династии Гогенцоллернов и Габсбургов и освобождение их от вассальства Наполеона» интересовали больше, чем благоустройство собственного государства. При Николае I «войн тоже было немало и все скорее бесцельны». Более того, «в 1849 г. мы впутались во внутренние распри венгров и австрийцев». В результате «во имя политики жертвовали жизнями тысяч крестьян не только бесплодно, но и вредно для родины». Полезным и народным автор считал только «тяготение к Царьграду и Босфору», к выходу «из закрытого моря», но и «оно исказилось», когда к нему «прицепили идею славянского объединения и православия», вдохновляясь которой и «освобождая сперва греков, а затем болгар, мы сумели озлобить и тех, и других против их же освободительницы — России». Цени миролюбие Александра III, великий князь сетует на то, что при нём прервалась «вековая дружба с Германией». И уже при Николае II «Германия нас весьма ловко натравливала на Японию», когда «сомнительные концессии на Ялу в Корее с нескрываемым желанием сделать новые земельные захваты в конец раздражили японцев». Утверждая, будто «война эта оказалась роковой и никогда не пользовалась популярностью в народных массах», вел. кн. Николай Михайлович резко противопоставляет её битвам 1914—1917 гг., которые, конечно, «слишком близки, чтобы была возможность историку судить беспристрастно», однако «с нашей стороны, это идейная борьба, как бы за своё дальнейшее существование, не только географическое, но и экономическое»³⁷.

При этом внутренняя политика российских императоров изображалась им ещё более мрачно. После побед 1812—1814 гг. солдаты «снова стали испытывать на своих шкурах все прелести муштровки с шпицрутенами, розгами и прохождениями сквозь строй», а «для русского крестьянства последние десять лет царствования Александра Павловича были сплошной мукой» и «надо только удивляться долготерпению крестьянской среды». Неудивительно, что «как царствование Александра I закончилось общей разрухой с военными поселениями и внутренним неустройством страны, так и правление его брата началось с дела декабристов и закончилось Крымской катастрофой». Александр II назван в статье «одним из благороднейших венценосцев дома Романовых», но

³⁵ Голос минувшего. 1916. № 11. С. 211—218; Исторический вестник. 1916. Т. 144. № 6. С. 741—742; 1917. Т. 147. № 1. С. 225.

³⁶ Исторический вестник. 1917. Т. 148. Май—июнь. С. I—XVI.

³⁷ Там же.

и в период его реформ «развитие жизни русского крестьянина остановилось в самом зародыше её пробуждения после отмены крепостного права», а «правление Александра III... остановило дальнейшее развитие крестьянской жизни из постоянного опасения революционных всплесков». При Николае II «безотрадность внутренней политики при всевозможных посторонних и тёмных влияниях стала тяготить всех и каждого». Собственно «она привела к тому, что случилось так неожиданно и быстро в конце февраля 1917 года»³⁸.

Безусловно, не со всеми суждениями вел. кн. Николая Михайловича можно согласиться. Однако его профессиональная честность и свобода от каких-либо родственных связей не раз отмечались отечественными учёными. Ещё в марте 1915 г. Совет Московского университета присудил ему по совокупности работ степень доктора русской истории. «Имя его вписано как имя серьёзного работника в области изучения... русской истории, — писал П.Б. Струве. — ...Можно спорить с его характеристикой Александра I, находить её слишком суровой, даже беспощадной. Но в его работе не было ничего, кроме серьёзного искания истины, не останавливающегося даже перед фамильным пиететом»³⁹. По словам А.Н. Цамутали, «его научное наследие достойно критического, но вместе с тем обстоятельного и внимательного изучения»⁴⁰. А С.Н. Искюль убеждён, что «мимо его трудов не может пройти ни один серьёзный историк»⁴¹.

Но к 1917 г. вел. кн. Николай Михайлович был известен не только как исследователь, но и как организатор поистине колоссальных начинаний. Под его руководством и попечением осуществлялись сбор и публикация русских надгробных надписей. Огромную работу для этого провёл историк и библиограф, член-корреспондент Академии наук В.И. Саитов, которому активно помогали клирики православных и иноверческих церквей. Первым в серии «Русский некрополь» стало трёхтомное описание захоронений Москвы, затем были изданы четыре тома «Петербургского некрополя». Они включали 65 тыс. имён, сообщая ценнейшие биографические, хронологические и генеалогические данные. В 1914 г. успел выйти первый том «Русского провинциального некрополя», содержащий 15 тыс. надписей с кладбищ Архангельской, Владимирской, Вологодской, Выборгской (Валаамский и Коневский монастыри), Костромской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Петербургской, Тверской и Ярославской губерний. В 1915 г. появился «Русский некрополь в чужих краях», в котором описывались русские могилы Парижа⁴². К сожалению, эта работа была прервана войной и революцией и не возобновлялась десятки лет⁴³.

³⁸ Там же. С. VI, VIII, IX, XIII, XVI.

³⁹ Струве П.Б. Великий князь Николай Михайлович // Новый мир. 1991. № 4. С. 229.

⁴⁰ Цамутали А.Н. Великий князь Николай Михайлович как историк // Книга в России: Проблемы источниковедения и историографии. Сборник научных трудов. СПб., 1991. С. 16.

⁴¹ Искюль С.Н. Труды великого князя Николая Михайловича по внешнеполитической истории России // Книга в России... С. 29.

⁴² Николай Михайлович, вел. кн., Саитов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т. 1—3. СПб., 1907—1908; Николай Михайлович, вел. кн., Саитов В.И. Петербургский некрополь. Т. 1—4. СПб., 1912—1913; Николай Михайлович, вел. кн., Шереметевский В. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914 (см. также: Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА) / Публ. Д.Н. Шилова. Вып. 1. СПб., 2003; Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА) / Публ. Д.Н. Шилова. Т. 1. СПб., 2012; Т. 2. СПб., 2015); Николай Михайлович, вел. кн., Андерсон В.М. Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. Пг., 1915.

⁴³ Подробнее см.: Шилов Д.Н. «Русский некрополь» великого князя Николая Михайловича: история научного предприятия // Археографический ежегодник на 2002 год. М., 2004. С. 133—148; Археографический ежегодник на 2003 год. М., 2004. С. 154—194.

Видную роль играл вел. кн. Николай Михайлович и в работе различных просветительских и научных обществ. За свои труды он был избран почётным членом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, в 1910 г. — доктором философии Берлинского университета, в 1913 г. — членом Академии моральных и политических наук Института Франции в Париже. К началу Первой мировой войны он являлся почётным членом 13 и попечителем 10 организаций⁴⁴, а также председателем Императорского Русского географического общества, Императорского Российского общества плодоводства, Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, Императорского общества ревнителей истории и Императорского Русского исторического общества.

Императорское Русское историческое общество (РИО) было создано в мае 1866 г. с целью «собирать, обрабатывать и распространять материалы и документы, до отечественной истории относящиеся». Его почётными председателями являлись Александр III и Николай II, годовые собрания проходили в Аничковом (до 1895 г.), в Зимнем (до 1905 г.) и Александровском (с 1906 г.) дворцах. Его почётным членом вел. кн. Николай Михайлович стал 24 февраля 1899 г., а с 1900 г. постоянно присутствовал на заседаниях. После смерти А.А. Половцова он принял предложение Николая II возглавить РИО и 18 января 1910 г. был утверждён его председателем.

Вскоре в члены РИО приняли А.С. Лаппо-Данилевского и Б.Л. Модзалевского, почётными членами избрали французских историков Ф. Массона, Г. Аното, А. Вандаля. Был подготовлен новый устав Общества, составлена программа будущих изданий. Как вспоминал в эмиграции А.П. Извольский, на заседаниях РИО «во время дискуссий... великий князь был на первом плане, ввиду своей глубокой эрудиции и необыкновенной памяти»⁴⁵. По его инициативе в 1911 г. возникла Особая комиссия для обследования местных правительственных архивов и разработки мер для сохранения исторических документов. Оказалось, что из 2,5 тыс. учреждений, о которых удалось получить сведения, лишь 900 находились в удовлетворительных помещениях. Ценные материалы гибли из-за отвратительных условий хранения. В мае 1914 г. во дворце великого князя прошёл съезд представителей губернских учёных архивных комиссий, говоривших о необходимости «более сознательного и бережного отношения к памятникам родной старины» и о том, какие требуются для этого средства. Вел. кн. Николай Михайлович сумел добиться выделения каждой комиссии 3 тыс. руб. в год⁴⁶. К 1917 г. свои труды публиковали 19 губернских архивных комиссий.

Научная и общественная деятельность вел. кн. Николая Михайловича вызвала глубокое уважение у большинства специалистов и людей, знавших его лично, среди которых были не только историки, но и художники (А.Н. Бенуа, В.А. Верещагин, С.К. Маковский), архитекторы (И.А. Фомин и А.В. Щусев) и многие другие. Особые отношения связывали его с гр. Л.Н. Толстым. Они познакомились осенью 1901 г. в Крыму и уже в январе 1902 г. граф просил передать Николаю II письмо с призывом произвести в стране необходимые перемены. В последующие годы великий князь облегчал получение архивных

⁴⁴ В том числе почётным членом Русского военно-исторического общества, Румянцевского музея, Академии Художеств, Московского археологического института и др.

⁴⁵ Извольский А.П. Воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 189.

⁴⁶ Императорское Русское историческое общество. 1866—1916. Пг., 1916. С. 116, 118, 140.

материалов для повести «Хаджи-Мурат», помогал ссыльным духовоборам выехать в Канаду. «Прошу пользоваться мною вовсю, — предлагал он писателю, — и я сделаю всё, что только будет от меня зависеть, для быстрого удовлетворения Вашего желания»⁴⁷.

Однако в сентябре 1905 г. Толстой предложил прекратить переписку. «Вы, — рассуждал он, — великий князь, богач, близкий родственник государя, я человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом». Вел. кн. Николай Михайлович отвечал 1 октября 1905 г.: «Милейший Лев Николаевич! ...Конечно, я вполне подчиняюсь Вашему решению, но с глубокою болью в душе, потому что люблю Вас всем моим сердцем и буду просить Вас хоть изредка обращаться к Вашей духовной помощи в наше безотрадное время. Вы вполне правы, что есть что-то недоговоренное между нами, но смею Вас уверить, что, несмотря на родственные узы, я гораздо ближе к Вам, чем к ним. Именно чувство деликатности вследствие моего родства заставляет меня молчать по поводу “существующего порядка и власти”, и это молчание ещё тяжелее, т[ак] к[ак] все язвы режима мне очевидны, и исцеление оных я вижу только в коренном переломе всего существующего. Ещё жив мой престарелый батюшка, и из уважения к его личности я должен быть осторожным, чтобы не огорчить своими действиями и суждениями старика... Итак, до свидания, милейший Лев Николаевич, говорю до свидания, а не прощайте, потому [что] последнее выражение для меня слишком тяжело»⁴⁸.

Естественно, великого князя волновала не только история, но и драматические события, происходившие на его глазах. Недаром, ещё служа в гвардии, вел. кн. Николай Михайлович, известный своими французскими симпатиями, получил прозвище «Филипп Эгалите», напомиравшее о герцоге Орлеанском (1747—1793), голосовавшем в Конвенте за казнь Людовика XVI и казнённом во время террора. По воспоминаниям вел. кн. Александра Михайловича, 18 мая 1896 г., в день «Ходынки», где погибло около полутора тысяч (а по оценке самого мемуариста — «пять тысяч») человек, молодые Михайловичи требовали от царя немедленной отставки московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Вел. кн. Николай Михайлович напомнил о французских королях, которые танцевали в Версале, не обращая внимания на приближающуюся бурю. «Помни, Ники, — закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, — кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мёртвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях... Не давай твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его верноподданных везут в мертвецкую»⁴⁹. Когда в тот же вечер состоялся бал у французского посла, четверо великих князей (включая вел. кн. Николая Михайловича) покинули зал сразу же после начала танцев, тем самым нарушив правила придворного этикета.

Великий князь надеялся, что Россия постепенно превратится в конституционную монархию. «Жизнь и её требования ушли за XIX столетие далеко вперёд, — писал он гр. Л.Н. Толстому в 1902 г., — а учреждения остались на той же

⁴⁷ Переписка Толстого с Н.М. Романовым. С. 310.

⁴⁸ Там же. С. 321—322. Эти строки нашли отклик в душе писателя, отвечавшего: «Очень, очень благодарен Вам за Ваше доброе письмо» (*Толстой Л.Н. Собрание сочинений* в 22 томах. Т. 22. М., 1985. С. 586—587).

⁴⁹ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. С. 167—168.

точке». Ему казалось, что «можно спасти самодержавие, если ограничить его ответственность перед 130-миллионным населением и увеличить ответственность министров» перед общественным мнением. Для этого следовало расширять гласность, начав с публикации подробных отчётов о заседаниях Государственного совета и его департаментов. Во всяком случае, он был убеждён, что «так, как теперь, дела не могут идти дальше, и что всё это кончится печально, если ещё продолжится по теперешнему курсу»⁵⁰. Не раз он признавался себе, что отдыхает «нравственно и душевно» за границей, в Европе. Политика Николая II казалась ему глубоко ошибочной и авантюрной. Наблюдая положение в Грузии, великий князь в августе 1905 г. предупреждал, что следующей весной там, особенно в Гурийском уезде, «где бьют помещиков, как зайцев», произойдёт всеобщее восстание. Этот прогноз оказался исключительно точным, а гурийские «красные сотни» вошли в историю революции 1905—1907 гг.⁵¹ При этом в 1904 г. он поддерживал либеральную программу министра внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирского, позднее надеялся на успех столыпинских реформ, а весной 1911 г., во время конфликта П.А. Столыпина с большинством Государственного совета, вместе с братом Александром и вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной убеждал Николая II не принимать отставку председателя Совета министров и согласиться с его требованиями⁵².

В период Первой мировой войны с военными неудачами 1914—1915 гг., министерской и губернаторской «чехардой», «распутинщиной», усилением политической роли императрицы Александры Фёдоровны внутренний кризис заметно обострился. Даже в Императорской фамилии всё более открыто выражалась оппозиция официальному курсу. Её духовным главой по праву считали вел. кн. Николая Михайловича. О его настроениях тех лет красноречиво свидетельствуют собственноручные дневниковые записи. Летом и осенью 1914 г. великий князь находился на Юго-Западном фронте и вскоре оценил масштабы войны, которая «продлится ещё целые месяцы и годы». При этом его «поражает и постоянно возмущает... пренебрежение к солдату, на котором лежит вся тяжесть ужасной войны». Уже в августе 1914 г. его посещали мрачные предчувствия. «По ночам находят на меня бессонницы, — жаловался он в дневнике, — потому мысль работает и не даёт покою, а именно: к чему затеяли эту убийственную войну, каковы будут её конечные результаты? Одно для меня ясно, что во всех странах произойдут громадные перевороты, мне мнится конец многих монахий и триумф всемирного социализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны. У нас на Руси не обойдётся без крупных волнений и беспорядков..., особенно если правительство будет бессмысленно лнуть направо, в сторону произвола и реакции»⁵³.

В этой ситуации историк пытался убедить царя в необходимости пойти навстречу общественному мнению. В августе 1916 г. он обращался к вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, убеждая её воздействовать на сына, «ибо речь идёт о нашем общем существовании и особенно о судьбе государя. Так не может дальше продолжаться»⁵⁴. В ноябре 1916 — январе 1917 г. четверо

⁵⁰ Переписка Толстого с Н.М. Романовым. С. 304, 309.

⁵¹ Там же. С. 320.

⁵² Bumte С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 544.

⁵³ Дневник великого князя Николая Михайловича // Красный архив. 1931. № 4—5. С. 150.

⁵⁴ «Момент, когда нельзя допустить оплошностей». Письма вел. кн. Николая Михайловича вдовствующей императрице Марии Фёдоровне / Публ. Д.И. Исмаил-заде // Источник. 1998. № 4. С. 12—13.

Михайловичей: Николай, Михаил, Георгий и Александр по очереди обращались к императору с письмами, настаивая на реформах. Начал эту кампанию вел. кн. Николай Михайлович. 1 ноября он приехал к Николаю II в Ставку (в Могилёв) и, ссылаясь на мнение Марии Фёдоровны и сестёр царя, призывал его удалить Г.Е. Распутина и царицу от государственных дел. Одновременно он вручил ему записку, в которой, в частности, говорилось: «Так дальше управлять нельзя... Ты веришь Александре Фёдоровне. Оно и понятно. Но, что исходит из её уст, есть результат ложных подтасовок, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от неё эти влияния, то, по крайней мере, огради себя от *постоянных систематических* вмешательств этих нащёптываний через любимую тобою супругу... Если бы тебе удалось устранить это постоянное вмешательство во все дела *тёмных сил*, сразу удалось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобою доверие громадного большинства твоих подданных... Когда время настанет, а оно уже не за горами, ты сам... можешь даровать желанную ответственность министров перед тобою и законодательными учреждениями... Ты находишься накануне эры новых волнений... Я это делаю не из личных побуждений... а только ради надежды и упования спасти тебя, твой престол и нашу дорогую Родину от самых тяжких и непоправимых последствий»⁵⁵.

Ответ последовал незамедлительно. 5 ноября императрица Александра Фёдоровна, узнав о содержании записки, писала мужу: «Пожалуйста, заставь Ник[олая] Мих[айловича] уехать — он опасный элемент в городе»⁵⁶. В этой обстановке в ночь на 17 декабря был убит Распутин. Вел. кн. Николай Михайлович не знал о планах заговорщиков. Однако в обществе его имя порою связывали с ними. «Авторами этой великой заслуги перед родиной, — писала кн. М.К. Тенишева, — называют вел. кн. Дмитрия Павловича, князя Ф.Ф. Юсупова... и не чуждого к тому же делу, как думают, вел. кн. Николая Михайловича»⁵⁷. Сам великий князь, размышляя 23 декабря, в половине третьего утра, над откровенными рассказами близких ему убийц, отмечал: «Всё, что они совершили — хотя очистили воздух, но полумера, так как надо обязательно покончить и с Александрой Фёдоровной и с [министром внутренних дел А.Д.] Протопоповым... Снова у меня мелькают замыслы убийств, не вполне ещё определённые, но логически необходимые, иначе может быть ещё хуже, чем было... С Протопоповым ещё возможно поладить, но каким образом обезвредить Александру Фёдоровну? ...Между тем время идёт, а с их отъездом и Пуришкевича я других исполнителей не вижу и не знаю... Скорее бы на охоту в леса, а здесь... я натворю и наговорю глупости»⁵⁸.

Между тем Николай II положил конец метаниям своего двоюродного дяди. Поздно вечером 31 декабря великий князь получил от него письмо: «Повелеваю тебе выехать в Грушевку (имение вел. кн. Николая Михайловича в Херсонской губ. — В.И.) на 2 месяца»⁵⁹. В дневнике великий князь не скрывал досады и раздражения: «Александра Фёдоровна торжествует, но надолго ли, стерва, удержит власть?! А он что это за человек, он мне противен, а я его всё-таки люблю, так как он души недурной... М[ожет] б[ыть], люблю по рикошету, но что за подлая душонка!»⁶⁰.

⁵⁵ Речь. 1917. 7(20) марта. С. 3.

⁵⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. М.; Л., 1927. С. 146.

⁵⁷ Княгиня М.К. Тенишева. Впечатления моей жизни. Л., 1991. С. 287.

⁵⁸ Дневник великого князя Николая Михайловича // Красный архив. 1931. № 6. С. 102.

⁵⁹ Речь. 1917. 7(20) марта. С. 3.

⁶⁰ Дневник великого князя Николая Михайловича // Красный архив. 1931. № 6. С. 102.

Направляясь в ссылку, вел. кн. Николай Михайлович беседовал в Киеве с депутатом Думы В.В. Шульгиным и молодым сахарозаводчиком М.И. Терещенко, который уверял собеседника, что «через месяц всё лопнет». Великого князя поразила злоба «этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубийства»⁶¹. В Грушевке он написал книгу о полюбившемся ему отдыхе: охоте на диких гусей в районе озера Ильмень и на лимане Каспийского моря. В ней удивительно раскрывается внешне скрытый эмоциональный склад автора. «Я люблю, — признавался он, — всю обстановку охоты, да ещё больше полное приволье и возможность наблюдать за пернатым царством». По его словам, «трудно описать испытываемое наслаждение застрелить и убить первого гуся в весенний сезон», а в один из дней он «до того волновался, что дрожали не только руки, но и ноги»⁶².

В столицу великий князь вернулся 1 марта, в разгар революции. 4 марта он написал письмо министру юстиции А.Ф. Керенскому, уверяя, что в принадлежавших ему двух домах (Миллионная ул., 6 и 19) «все взрослые... чисто-сердечно присоединились к Временному правительству со мной во главе»⁶³. 9 марта он сообщил Керенскому о своих усилиях убедить всех великих князей отказаться от прав на престол и заявлял, что удельные земли «должны стать общественным достоянием государства», приписав в конце: «Наша вчерашняя беседа оставила во мне самое светлое и отрадное впечатление. Моя лепта в каком угодно размере на памятник декабристам обеспечена от всей души»⁶⁴. По словам управляющего делами великого князя генерал-майора М.Н. Молодовского, тот трижды встречался с министром юстиции, стремясь «облегчить положение некоторых членов Императорской фамилии, находившихся тогда вне Петрограда»⁶⁵.

Не прекращал он и исследовательской деятельности. Встречавшийся с ним тогда П.Б. Струве вспоминал через полтора года: «Всего более меня поразила... спокойная отрешённость от всяких политических тенденций»⁶⁶. Молодовский утверждал, что все предложения покинуть страну отклонялись великим князем, который «хотел остаться в России до конца»⁶⁷. Но постепенно его настроение становилось всё более пессимистичным. «Анархия полная, и никто не может сказать, когда будет положен конец подобному положению вещей..., — писал он французскому историку Ф. Массону 5(18) октября. — “Большевизм” всё больше и больше завоёвывает провинцию... Временное правительство не в силах обуздать этот народный шквал... Я ничего не пакую из-за фатализма и депрессии»⁶⁸.

О жизни великого князя после октября 1917 г., к сожалению, известно немного. 18 марта 1918 г. одна из петроградских газет сообщала, что Британское археологическое общество от имени Королевской академии предложило ему издать свои труды и возглавить научное общество, выпускающее сочинения

⁶¹ Там же. С. 102—103.

⁶² *Николай Михайлович, вел. кн.* Наблюдения по охоте на диких гусей. Пг., 1917. С. 9, 15, 27.

⁶³ РГИА, ф. 549, оп. 1, д. 185, л. 1.

⁶⁴ Красный архив. 1927. № 5. С. 209.

⁶⁵ *Молодовский М.* Письма в редакцию // Русская летопись. Кн. 4. Париж, 1922. С. 247.

⁶⁶ *Струве П.Б.* Великий князь Николай Михайлович. С. 229.

⁶⁷ *Молодовский М.* Указ. соч. С. 247.

⁶⁸ *Зайцева А.А.* Письма великого князя Николая Михайловича к Ф. Массону // Книга в России... С. 73—74.

по истории России и Востока⁶⁹. Но за три дня до этого, 15 марта, появилось распоряжение председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого «Вниманию членов династии Романовых». В нём объявлялось, что «все члены бывшей династии Романовых, независимо от степени родства их с Николаем Романовым, имеющие от роду не менее шестнадцати лет, проживающие в г. Петрограде и ближайших к нему окрестностях, обязаны явиться в течение 16, 17, 18 марта между 11 и 5 часами дня в Чрезвычайную комиссию». Причём «по возможности с удостоверениями личности и двумя фотографическими карточками»⁷⁰. 26 марта Совнарком Петроградской трудовой Коммуны опубликовал декрет, предписывавший «Николая Михайловича Романова, Дмитрия Константинович Романова и Павла Александровича Романова выслать из Петрограда и его окрестностей впредь до особого распоряжения с правом свободного выбора местожительства в пределах Вологодской, Вятской и Пермской губерний»⁷¹. 2 апреля Николай Михайлович выехал в Вологду⁷². Там же поселились Дмитрий Константинович и Георгий Михайлович. Павлу Александровичу М.С. Урицкий из-за слабого здоровья разрешил не покидать Царское Село. Из Вологды историк сообщал Ф. Массону об освобождении немцами вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и слухах о судьбе «государя и его семьи»⁷³.

Гражданская война разрасталась, и одновременно нарастало взаимное ожесточение. Красный и белый террор всё чаще обрушивался на головы ни в чём не повинных людей. 1 июля 1918 г. Николая Михайловича и его братьев арестовали. В конце июля их перевезли из вологодской губернской тюрьмы в Петроградскую ЧК, затем направили в Дом предварительного заключения на Шпалерной улице, где к ним присоединились Павел Александрович и князь императорской крови Гавриил Константинович. Все они находились в одиночных камерах, которые представляли собой помещение длиной в 6 шагов и шириной в 2,5 шага. Железная кровать, стол, табуретка — всё привинчено к стенке. Подъём в 7 утра. До обеда выводили на прогулку: сначала по одному, на 15 минут, а после посещения Урицкого разрешили гулять совместно до часа. В 12 часов давали обед, состоявший из супа и куска хлеба, в 18 часов разносили ужин. Между обедом и ужином дозволялось пить чай. По словам Гавриила Константиновича, до его освобождения в ноябре 1918 г. режим в тюрьме был довольно либеральный, а стража относилась к особам Императорской фамилии «очень хорошо» и не препятствовала их общению между собой. При этом «Николай Михайлович часто выходил из своей камеры во время уборки, а иногда вечером во время ужина стоял у громадного подоконника в коридоре и ел, неизменно разговаривая и шутя со сторожами. Он был в защитной офицерской фуражке без кокарды и в чесучёвом пиджаке»⁷⁴. О тюремных беседах с Николаем Михайловичем вспоминал и последний военный министр Временного правительства А.И. Верховский: «Смеялся надо мною. Вы нас арестовывали в апреле, а теперь сидите вместе с нами. Во-первых, вам поделом, а во-вторых, учите истории... В революционной борьбе нет середины. Если вы не идёте с

⁶⁹ Новые ведомости. Вечерняя газета. 1918. 18 марта. С. 5.

⁷⁰ Там же. 16 марта. С. 1.

⁷¹ Известия Петроградского Совета. 1918. № 7. 26 марта. С. 1.

⁷² Новые ведомости. Вечерняя газета. 1918. 1 апреля. С. 6.

⁷³ Ферро М. Николай II. М., 1991. С. 313, 314.

⁷⁴ Гавриил Константинович, кн. Месяц в тюрьме. Из дневника // Иллюстрированная Россия. Париж, 1934. № 35. 25 августа. С. 8—9.

последовательными революционерами, вы оказываетесь за одной решеткой с нами»⁷⁵.

Между тем в Петрограде не прекращались хлопоты об освобождении Николая Михайловича и его родственников, единственной «виной» которых являлось их происхождение. Широко известен рассказ вел. кн. Александра Михайловича о том, как будто бы ответил Ленин на просьбу Максима Горького: «Революция не нуждается в историках». Это означало смертный приговор, и вскоре великие князья были расстреляны в Петропавловской крепости⁷⁶. Однако Александр Михайлович с апреля 1917 г. находился с семьёй в Крыму, а в декабре 1918 г. он навсегда покинул Россию и мог судить о происходившем в Петрограде только по слухам.

Гораздо надёжнее высказывания самого писателя, а также свидетельства А.А. Вырубовой, И.И. Манухина, Ф.Ф. Раскольников, Ф.И. Шаляпина, С.Л. Бурсина, которые лично знали Горького и писали воспоминания в эмиграции, не будучи стеснены цензурными рамками⁷⁷. А известный врач-терапевт Иван Иванович Манухин, состоявший врачом при Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством, был непосредственно причастен к попытке освобождения великих князей. По его словам, хлопоты об освобождении Горький хотел начать с Николая Михайловича, «труды которого он ценил и с которым до революции встречался». Но поскольку ходатайство об освобождении следовало подкрепить врачебным заключением о болезненном состоянии арестованного, а Гавриил Константинович был пациентом Манухина ещё до революции, решили начать с него. Манухину разрешили посетить узников в тюрьме на Шпалерной. «Великие князья вошли все вместе, — вспоминал он. — Они держались с приятным спокойным достоинством: ни нервности, ни тревожной озабоченности своей судьбой. Я рассказал им, зачем приехал и спросил, в каком порядке хотят они, чтобы велись хлопоты об их освобождении? Они указали мне следующий порядок: Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович, Георгий Михайлович. Что касается Гавриила Константиновича, то он должен бы быть последним (исходя из порядка династического старшинства. — *В.И.*), но, если уже приняты меры, чтобы добиться его освобождения, пусть он будет первым. Я осмотрел Павла Александровича, а в следующее посещение Дмитрия Константиновича. Недуги в их возрасте были у каждого из них. Я написал обоим по свидетельству и отвёз эти свидетельства Горькому»⁷⁸.

После освобождения Гавриила Константиновича и его выезда 11 ноября в Финляндию настало время хлопотать об остальных⁷⁹. Тогда Горький «поехал в Москву со специальной целью уговорить Ленина освободить... всех четырёх. Ленин и в этот раз его просьбу исполнить согласился»⁸⁰. Сам Горький так вспоминал разговор с председателем Совнаркома: «“Ну, хорошо”, — говорил

⁷⁵ *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 408.

⁷⁶ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. С. 315.

⁷⁷ *Танеева (Вырубова) А.А.* Страницы из моей жизни // Русская летопись. Кн. 4. Париж, 1922. С. 172; *Манухин И.* Воспоминания о 1917—1918 годах // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. № 54. С. 94—96; *Раскольников Ф.Ф.* О времени и о себе. Л., 1989. С. 515—516; *Шаляпин Ф.И.* Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1989. С. 220.

⁷⁸ *Манухин И.* Указ. соч. С. 95.

⁷⁹ Иллюстрированная Россия. Париж, 1934. № 40. С. 20.

⁸⁰ *Манухин И.* Указ. соч. С. 96. Правдивость этого рассказа косвенно подтверждается тем, что писатель действительно находился между 20 и 25 января 1919 г. в Москве и встречался с Лениным (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. М., 1975. С. 448).

он мне... по поводу некой просьбы исключительной важности. “Ну, ладно — возьмёте Вы на поруки этих людей. Но их ведь надо устроить так, чтобы не вышло какой-нибудь шингарёвщины (имелось в виду убийство группой матросов и красногвардейцев в ночь на 7 января 1918 г. в Мариинской больнице А.И. Шингарёва и Ф.Ф. Кокошкина. — *В.И.*). Куда же мы их? Где они будут жить? Это дело тонкое!” Дня через два, в присутствии людей не партийных и мало знакомых ему, он озабоченно спросил: “Устроили Вы всё, что надо, с поруками за четверых? Формальности? Гм-гм, заедают нас эти формальности”. Спасти этих людей не удалось»⁸¹.

Николай Михайлович знал об этих усилиях. «В настоящее время появился слабый шанс выйти из тюрьмы, — писал он 24 декабря Ф. Массону, — поскольку имеются влиятельные лица, хлопочущие за меня, и среди прочих, с большой горячностью, Максим Горький». Проявляя чудеса изобретательности, великий князь, по собственному признанию, в течение всего заключения поддерживал связь «со всеми, кто столь удивительно предан мне». Это большое письмо, как и карандаш, которым оно было написано, пряталось на дне суповой миски. При этом его автор отчётливо осознавал: он находится в чудовищном месте, «откуда, что ни день, уводят людей... чтобы расстрелять без какого-либо намёка на суд». Единственной отдушиной для него оставалась возможность получать книги как из тюремной, так и из бывшей Императорской библиотеки и записывать свои впечатления, «весь путь», в надежде передать их секретарю Исторического общества Саитову. Он был убеждён, что порядок в России будет восстановлен, «но не иначе, чем штыками союзников», а «что касается монархии, о ней не стоит и думать». Обращаясь к Массону, историк заклинал: «Спасите Вашу страну всеми способами от этой заразы большевизма»⁸².

6 января 1919 г. узник камеры № 207 Дома предварительного заключения Николай Михайлович Романов отправил Д.Б. Рязанову, возглавлявшему Главное управление по делам науки, письмо: «Седьмой месяц пошёл моего заточения в качестве заложника в доме предварительного заключения. Я не жаловался на судьбу и выдерживал молча испытания. Но за последние три месяца тюремные обстоятельства изменились к худшему и становятся невыносимыми. Комиссар Трейман, полуграмотный, пьяный с утра до вечера человек, навёл такие порядки, что не только возмутил всех узников своими придирами и выходками, но и почти всех тюремных служителей, может во всякую минуту произойти весьма нежелательный эксцесс. За эти долгие месяцы я упорно занимаюсь историческими изысканиями и готовлю большую работу о Сперанском, несмотря на все тяжёлые условия и недостаток материалов. Убедительно прошу всех войти в моё грустное положение и вернуть мне свободу. Я до того нравственно и физически устал, что организм мой требует отдыха хотя бы на три месяца. Лышу себя надеждою, что мне разрешат выехать куда-нибудь, как было разрешено Гавриилу Романову выехать в Финляндию. После отдыха готов опять вернуться в Петроград и взять на себя какую угодно работу по своей специальности, поэтому никаких коварных замыслов не имел и не имею против Советской власти. Просил бы эти строки довести до сведения народного комиссара Луначарского или просто передать их ему»⁸³.

⁸¹ Горький М. Владимир Ленин // Русский современник. 1924. № 1. С. 240—241.

⁸² Зайцева А.А. Указ. соч. С. 75—77.

⁸³ Сидоров Н.А. Николай Михайлович (великий князь). Письмо из заточения // Наше наследие. 1992. № 25. С. 86—87.

В эти же дни в защиту Николая Михайловича выступила Академия наук. 23 декабря её президент А.П. Карпинский направил в Совет народных комиссаров ходатайство: «Российская Академия наук считает своим долгом обратить внимание Совета народных комиссаров на тяжёлое положение одного из почётных членов Николая Михайловича Романова, великого князя, давно известного ей своими плодотворными трудами на пользу русской науки». После перечисления всех его научных трудов следовало заключение: «Признавая весьма желательным предоставить возможность Николаю Михайловичу продолжать свою плодотворную работу на пользу русской науки, Академия ходатайствует о его освобождении». Внизу содержалась приписка, сделанная от руки: «Глубоко сочувствую этому ходатайству. На мой взгляд, Ник[олай] Мих[айлович] Романов должен бы был быть выпущен давно. Прощу рассмотреть на ближайшем заседании Совнаркома. Нар[одный] ком[иссар] Луначарский»⁸⁴.

16 января на заседании Совнаркома, проходившем под председательством В.И. Ульянова (Ленина) в присутствии 23 человек, но без народного комиссара по просвещению, слушалось «ходатайство Академии наук об освобождении Н.М. Романова (Луначарский)». В результате решили «запросить Петроградскую ЧК и т. Элиава и отложить разрешение этого вопроса до получения ответа, если т. Луначарский не представит до тех пор исчерпывающих данных». Вскоре Ш.З. Элиава (член РСДРП с 1904 г. и председатель Вологодского губисполкома в 1918 г., участвовавший в заседании 16 января) представил рукописный отзыв: «Никаких конкретных данных, изобличающих Н. Романова в контрреволюционной деятельности, у меня не имеется. За время пребывания Романова в Вологде в ссылке (с апреля по июль 1918 г.) наблюдение установило частые сношения Романова с японским посольством. Вообще он вёл в Вологде замкнутый образ жизни. Из личных бесед с ним я вынес впечатление о нём, как о человеке большого ума и добром. Вообще же считаю, что он для нас совершенно не опасен». 17 января из Совнаркома уведомили Петроградскую ЧК: «Российской Академией наук внесено через тов. Луначарского в Совет народных комиссаров ходатайство об освобождении б[ывшего] вел[икого] князя Н.М. Романова. В заседании от 16-го января с.г. Советом народных комиссаров постановлено запросить заключения Петр[оградской] Чрезв[ычайной] ком[иссии] и отложить разрешение этого вопроса до получения ответа»⁸⁵.

На заседании СНК отсутствовали представители ВЧК. Не исключено, что его участники не знали о вынесенном 9 января постановлении Президиума ВЧК (в составе Я.Х. Петерса, М.И. Ладиса, И.К. Ксенофонтова и секретаря О.Я. Мурнек): «Приговор ВЧК к лицам бывшей императорской своры — утвердить, сообщив об этом в ЦИК»⁸⁶. В свою очередь, Петроградская ЧК на запрос из Москвы ответила: «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Совете коммун Северной области полагает, что не следовало бы делать исключения для б[ывшего] великого князя Н.М. Романова, хотя бы по ходатайствам Российской академии наук»⁸⁷. Однако «подковёрная борьба» продолжалась. Журналист С.Л. Бурсин в 1919 г. записал со слов Горького, что тот получил от Ленина бумагу о передаче писателю великих князей на поруки.

⁸⁴ РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 246, л. 8—9.

⁸⁵ Там же, л. 1, 5, 7, 10.

⁸⁶ Протокол заседания Президиума от 9 января // Архив ВЧК: Сборник документов / Отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров. М., 2007. С. 319.

⁸⁷ Хрусталёв В.М. Последний акт трагедии. Петроград: расстрел великих князей. Изд. 2. М., 2018. С. 94.

Но по звонку заместителя Ф.Э. Дзержинского Петерса 24 января их расстреляли⁸⁸. Позднее эту казнь назвали ответом на убийство в Берлине 15 января лидеров немецких коммунистов К. Либкнехта и Р. Люксембург.

Правда, в советской России всё же публично прозвучал и голос протеста. 6 февраля 1919 г. Ю. Мартов опубликовал в московской газете «Всегда вперёд!» статью «Стыдно!» Один из лидеров меньшевиков напоминал, что «жизнь каждого из них для всякого, не променявшего пролетарский социализм на звериную мораль профессионального палача, столь же неприкосновенна, как жизнь любого торговца или рабочего». «Какая гнусность!», — негодовал он. — «Какая ненужно-жестокая гнусность, какое бессовестное компрометирование великой русской революции новым потоком бессмысленно пролитой крови! Как будто недостаточно было уральской драмы — убийства членов семьи Николая Романова!»⁸⁹. Так или иначе, трагедия произошла. Не стало четырёх пожилых порядочных людей, не совершивших никаких проступков перед людьми и властью. Среди них оказался и внук Николая I — вел. кн. Николай Михайлович, навсегда вписавший своё имя в историю русской культуры. Российская наука понесла невосполнимую утрату.

⁸⁸ Архив Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, д. П-9964, т. 12, л. 2.

⁸⁹ Всегда Вперёд! 1919. 6 февраля. № 3.